

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ (20—40-е ГОДЫ XX В.)

Становление современной британской социальной антропологии, которую иногда называют «новой», противопоставляя ее «старой», т. е. эволюционистской, представляло собой сложный процесс преобразования теоретико-методологических оснований этой научной дисциплины и коренного изменения в характере деятельности ее представителей. Процесс этот протекал в течение ряда лет (20—40-е годы) и был связан в значительной степени с деятельностью Б. Малиновского (1884—1942) и А. Р. Рэдклифф-Брауна (1881—1955), которые заложили основы методологического подхода, получившего название «функционализм».

В советской литературе этому научному явлению уделялось немало внимания как со стороны этнографов¹, так и философов и социологов².

Большинство авторов, изучавших функционализм, основное внимание уделяло логическому анализу концепций Малиновского и Рэдклифф-Брауна, подвергая критическому разбору их понятия и категории, методологические принципы и общетеоретические представления о природе общества.

Подобное изучение, безусловно, является необходимым для анализа развития британской социальной антропологии межвоенного периода. Однако логико-методологический подход при всей его правомерности оставил вне поля зрения один существенный момент, а именно то, что в рассматриваемый период функционализм в этой научной дисциплине был представлен не только Малиновским и Рэдклифф-Брауном. В его русле проходила научная деятельность определенного сообщества исследователей, насчитывавшего к 1940-м годам около 20 человек³.

Современное состояние марксистской критики функционализма диктует необходимость специального рассмотрения основных положений этого научного подхода не только в том логическом выражении, в котором они предстают в трудах его основоположников, но и в научной деятельности их учеников и последователей. Иными словами, необходима постановка проблемы научной школы и ее места в процессе становления функционализма.

Подобный подход встречается с рядом трудностей, прежде всего терминологического характера. Так, в советской литературе, посвященной изучению межвоенного периода истории британской социальной антропологии, употребляются такие понятия, как «функциональная школа»⁴,

¹ См.: *Аверкиева Ю. П.* Этнография и культурная/социальная антропология на Западе.— *Сов. этнография*, 1971, № 5, с. 9—16; *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 178—203; *его же*. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, с. 98—113; *Веселкин Е. А.* Теория культурных контактов и современный расизм.— *Расы и народы*. М.: Наука, 1973, с. 23—42; *его же*. Кризис британской социальной антропологии. М.: Наука, 1977; *Ольдерогге Д. А., Потехин И. И.* Функциональная школа в этнографии на службе империализма.— *Англо-американская этнография на службе империализма*. М.: Изд-во АН СССР, 1951; *Семенов Ю. И.* Теоретические проблемы «экономической антропологии». — *Этнологические исследования за рубежом*. М.: Наука, 1973, с. 30—76; *Токарев С. А.* История зарубежной этнографии. М.: Высшая школа, 1978, с. 229—248, и др.

² См.: *Артаковский С. Н.* Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Л.: Наука, 1967, с. 122—130; *Бахитов М. Ш.* Проблема причинности в социологии и критика функционализма.— *Вопросы философии*, 1963, № 9; *Здравомыслов А. Г.* Функционализм и его критика.— *Структурно-функциональный анализ в современной социологии*. Инф. бюл. Сов. социологической ассоциации и Ин-та конкретных социол. исследований АН СССР, 1968, № 6; *Критика современной буржуазной теоретической социологии*. М.: Наука, 1977, с. 18—42; *Юдин Э. Г.* Системный подход и принцип деятельности. М.: Наука, 1979, с. 123—137, и др.

³ *Fortes M.* *Social Anthropology at Cambridge since 1900.* Cambridge, 1953, p. 13.

⁴ *Ольдерогге Д. А., Потехин И. И.* Указ. раб.

«функционалистское направление»⁵, «структурно-функциональный подход»⁶, «структурно-функциональный анализ»⁷ и просто «функционализм»⁸, причем все эти термины обозначают научную позицию Малиновского и Рэдклифф-Брауна. Существует и точка зрения, по которой «функционализм» и «структурализм» представляют собой разные научные явления — первый связан с именем Малиновского, а второй — Рэдклифф-Брауна⁹.

Нет в советском науковедении и единой точки зрения на такие категории, как «научная школа», «направление», «подход» и т. п.¹⁰.

Отмеченное обстоятельство заставляет уделить специальное внимание определению понятийного и терминологического аппарата настоящего исследования.

В качестве предварительного замечания, обоснованию которого будет уделено специальное внимание ниже, необходимо сказать, что концепции Малиновского и Рэдклифф-Брауна нами рассматриваются как самостоятельные методологические системы, имеющие тем не менее ряд общих моментов, что позволяет объединить их под общим названием «функционализм». Для подчеркивания специфики каждой из этих концепций можно использовать уточняющие определения — «биокультурный функционализм» Малиновского и «структурный функционализм» Рэдклифф-Брауна.

Задачи настоящего исследования делают необходимым положить в основание его системы понятий категорию «научная школа», логически связать с ней остальные категории и таким образом создать некую аналитическую модель изучаемого явления, которая, как и всякая априорная модель, будет обладать известной условностью и гипотетичностью.

Научной школой мы называем коллектив ученых (принадлежность к одному научному учреждению необязательна), в рамках которого под руководством лидера осуществляется научная деятельность в трех основных аспектах: 1 — в подготовке молодого поколения исследователей; 2 — в разработке конкретных проблем по исследовательской программе, в основе которой лежат идеи главы школы; 3 — в организации и координации общих усилий и в утверждении особых норм взаимоотношений между членами научной школы как исследовательского коллектива¹¹.

Центральным пунктом предлагаемой аналитической модели является категория «исследовательская программа». Указывая на то, что в основе лежат идеи главы школы, мы подчеркиваем, что концепция последнего в целом не тождественна исследовательской программе. Отнюдь не все идеи главы школы входят в число ее программных установок. Те же положения его концепции, которые вошли в состав программы, перестают быть просто логической конструкцией. Они становятся руководящими принципами, целевыми установками научной деятельности целого коллектива.

Подобная трансформация сама по себе вызывает определенные изменения в характере исходных идей лидера, так как процесс их восприятия и приложения в конкретных исследованиях — это отнюдь не автоматический перенос, но всегда в большей или меньшей степени творческая их переработка, в которой играют роль и индивидуальные особенности каждого ученого, и условия научной деятельности, и характер изучаемого явления.

В этой связи необходимо сказать, что в нашей трактовке исследовательская программа — это, как правило, не фиксированный документ, но науковедческая абстракция, которую можно сформулировать в ре-

⁵ Токарев С. А. Указ. раб., с. 229—248.

⁶ Критика современной буржуазной теоретической социологии, с. 18—42.

⁷ Юдин Э. Г. Указ. раб., с. 123.

⁸ Там же, с. 124.

⁹ Веселкин Е. А. Кризис британской социальной антропологии.

¹⁰ См. об этом: Школы в науке. М.: Наука, 1977.

¹¹ Предлагаемая трактовка понятия «научная школа» основана главным образом на идеях М. Г. Ярошевского. См. Ярошевский М. Г. Логика развития науки и научная школа. — Школы в науке, с. 7—96.

зультате анализа научной деятельности представителей того или иного коллектива исследователей. Иными словами, это не просто система идей лидера, но система его идей, принятая к действию.

В нашей модели эта система идей рассматривается двояко — как феномен научного сознания, как логическая система, признаваемая группой исследователей (теоретико-методологическое направление), и как феномен деятельности, представленный ее целевыми установками и способами достижения познавательных целей (исследовательская программа).

В первом случае науковедческое исследование ориентировано на изучение инвариантных особенностей логических оснований науки в определенный период времени. Во втором направлено на изучение динамики развития научной школы, так как именно деятельность является той сферой, в которой научные идеи зарождаются, подвергаются корректировке, видоизменяются.

Исследовательская программа научной школы помимо общих ориентирующих принципов и целей научной деятельности включает в себя теоретические представления о природе изучаемого объекта, систему понятий и категорий, конкретные методы описания и анализа, а также набор конкретных проблем исследования.

Сконструированная нами аналитическая модель научной школы не претендует на универсальность и не гарантирует адекватного отражения всего многообразия проявлений научной деятельности. Наука знает массу примеров, когда большие ученые работали вне каких-либо школ. Сами же научные школы выступают в чрезвычайном многообразии конкретных вариантов — от школ с ярко выраженным идейно-теоретическим и организационным единством до так называемых «незримых колледжей», т. е. групп исследователей, стоящих на разных позициях, но в отдельных аспектах своей деятельности солидарных с идеями какого-либо ученого, выступающего в роли «генератора идей»¹².

Что касается британской социальной антропологии, то наша модель в целом отвечает состоянию этой научной дисциплины в межвоенный период, когда характерной ее чертой была довольно высокая степень идейно-теоретического единства различных группировок и дисциплины в целом.

Автор настоящей статьи ставит перед собой задачу охарактеризовать основные научные школы, с которыми связано становление современной британской антропологии¹³. Недостаточная разработанность в современном науковедении проблем научной школы во многом определяет основную цель настоящей статьи как постановку сформулированной в заглавии проблемы. Это обстоятельство, а также ограниченный объем журнальной статьи заставляют в ряде случаев прибегать к тезисной форме изложения материала.

* * *

Говоря о становлении «новой» британской антропологии в 20—40-х годах и о роли научных школ в этом процессе, необходимо сразу сказать, что Малиновский и Рэдклифф-Браун в рассматриваемый период не входили в одну научную школу. Тем не менее научная позиция обоих ученых, несомненно, имеет общие черты, что особенно наглядно проявилось в их трудах 1922 г.¹⁴, которые в британской научной традиции принято считать началом «эры функционализма»¹⁵.

Малиновский и Рэдклифф-Браун были единомышленны в основных вопросах, касающихся преобразования эволюционистской антропологии.

¹² О понятии «незримый колледж» см. Гасилов В. Б. Научная школа — феномен и исследовательская программа науковедения. — Школы в науке, с. 119—152.

¹³ Здесь и далее вместо терминов «социальная антропология», «социальный антрополог» мы употребляем термины «антропология», «антрополог», так как в статье речь идет только об одной (социальной) научной дисциплине.

¹⁴ Malinowski B. *Argonauts of the Western Pacific*. London, 1922; Brown A. R. *The Andaman Islanders*. Cambridge. 1922.

¹⁵ Kuper A. *Anthropologists and Anthropology*. Harmondsworth, 1978, p. 9.

Новая методологическая ориентация впервые дала о себе знать в довольно категоричных требованиях, поставленных ее основоположниками: изучение отсталых народов должно базироваться не на спекулятивном кабинетном анализе фактов, полученных от случайных очевидцев (миссионеров, торговцев, путешественников и т. д.), а на основе длительного непосредственного наблюдения жизни этих народов самими исследователями. Теоретик и наблюдатель должны быть одним лицом¹⁶; предметом изучения должны быть не отдельные явления культуры, а вся культура как функциональное целое¹⁷; научное объяснение социальных явлений должно лежать не в плоскости определения их происхождения, а в указании той функции, которую эти явления выполняют в общественной жизни данного народа¹⁸.

Единство требований Малиновского и Рэдклифф-Брауна явилось результатом воздействия целого ряда факторов, в равной степени влиявших на обоих ученых еще на заре их научной карьеры. Эти факторы отражали как социально-политическую и идеологическую обстановку в Великобритании, так и атмосферу идейно-теоретического кризиса эволюционистской антропологии. Их воздействие на молодых ученых было опосредовано, главным образом кембриджской школой А. Хэддона, У. Риверса, Ч. Зелигмана и др., под непосредственным руководством которых Малиновский и Рэдклифф-Браун получили антропологическое образование и начинали первые самостоятельные исследования.

Многие положения функционализма имеют свои истоки в кембриджской школе. К таким положениям относятся: индуктивизм; ориентированность на эмпирические (полевые) исследования; натурализм, т. е. подход к обществу как к объекту, аналогичному тому, что изучают физика, биология, психология и другие естественные науки; стремление придать методам антропологии характер естественнонаучного эксперимента.

В известном смысле функционализм может рассматриваться как своеобразная реакция на неудачи кембриджцев в достижении поставленных ими же целей, как попытка преодоления глубокого методологического кризиса эволюционизма, который особенно отчетливо проявился в деятельности именно этой школы. Так, например, У. Риверс в течение 10 лет (1911—1922) переменял несколько принципиально различных методологических подходов в объяснении социальных явлений. Он от эволюционизма в «Родстве и социальной организации» отошел к диффузионизму в «Истории меланезийского общества», а затем к психологизму в «Очерках о депопуляции Меланезии»¹⁹.

Как бы продолжая эти поиски более эффективной теории, Малиновский и Рэдклифф-Браун обратились к буржуазным социологическим доктринам, в которых высказывались суждения о необходимости целостного подхода к социальным явлениям и их функционального анализа. При этом круг трудов, к положениям которых восходят теоретические концепции Малиновского и Рэдклифф-Брауна, был примерно одинаков для них обоих — это работы Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, Ф. Боаса, С. Р. Штайнмеца, М. Мосса.

Необходимо упомянуть то обстоятельство, что известное требование функционализма сделать практически полезными антропологические исследования²⁰ было унаследовано Малиновским и Рэдклифф-Брауном

¹⁶ Malinowski B. *Agronauts of the Western Pacific*. N. Y., 1961, p. 3; Brown A. R. *The Andaman Islanders*, p. 232.

¹⁷ Malinowski B. *Argonauts of the Western Pacific*, p. 11; Brown A. R. *The Andaman Islanders*, p. 400.

¹⁸ Malinowski B. *Agronauts of the Western Pacific*, p. 17; Brown A. R. *The Andaman Islanders*, p. 234.

¹⁹ Rivers W. H. R. *Kinship and Social Organisation*. London, 1914; *idem*. *The History of Melanesian Society*. London, 1914; *idem*. *The psychological Factor.—Essays on the Depopulation of Melanesia*. Cambridge, 1922.

²⁰ Malinowski B. *Practical Anthropology*. Africa. London, 1929, v. II, p. 23—39; Radcliffe-Brown A. R. *Applied Anthropology*.—*Proceedings Australian and New Zealand Association of Science*. Brisbane, 1930, p. 267—280.

от представителей кембриджской школы, глава которой А. Хэддон был одним из наиболее последовательных поборников сотрудничества антропологов с колониальной администрацией²¹.

Идейно-теоретические предпосылки функционализма, сформировавшиеся во время обучения Малиновского и Рэдклифф-Брауна у представителей кембриджской школы, а также во время их экспедиций (Малиновский на островах Тробрианд в 1915—1918 гг. и Рэдклифф-Браун на Андаманских островах в 1906—1908 гг.), получили дальнейшее развитие в теоретико-методологических концепциях, созданных ими в 20—40-х годах.

В теоретическом плане эти концепции представляли собой системы общих положений о сущности культуры и общества. В методологическом плане они предлагали британской антропологии ряд методов анализа и объяснения фактов из жизни «примитивных» народов, а также набор правил ведения полевой работы.

Обе концепции представляли собой относительно самостоятельные системы взглядов, которые по ряду пунктов находились в непримиримом противоречии. Последнее обстоятельство относится главным образом к той их части, где речь идет о сущности изучаемого объекта.

Малиновский в своей «Научной теории культуры» утверждал, что культура как «функциональное целое» базируется на удовлетворении «основных потребностей» биологии человеческого организма²².

Рэдклифф-Браун категорически возражал против биологизма в подходе Малиновского²³ и утверждал, что общество как объект изучения представляет собой особый вид естественной системы, сущность которой заключается в структуре социальных отношений, связывающих индивидов, и не может быть сведена ни к психологии, ни к биологии последних²⁴.

Методологические принципы концепций Малиновского и Рэдклифф-Брауна в том виде, в каком можно их рассматривать как относительно самостоятельные явления, логически не противоречат друг другу. Есть некоторые основания считать их вариантами одной методологической системы.

Если в методологии Малиновского основную нагрузку несет понятие функции, а структура объекта как бы постулируется (учение о строении института и о системной взаимосвязи всех институтов общества), то в методологии Рэдклифф-Брауна такую нагрузку несет понятие структуры, а функциональная сущность ее компонентов выступает в качестве одной из исходных предпосылок («существенная» функция всех социальных явлений — это их вклад в сохранение и поддержание социальной структуры, т. е. внимание концентрируется на интегративной функции)²⁵.

Отмеченное обстоятельство весьма существенно для понимания соотношения и роли двух концепций в процессе формирования методологических оснований «новой» британской антропологии. В частности, оно объясняет тот факт, что почти для всех представителей молодого поколения антропологов (в британской научной традиции их принято называть «функционалистами второго поколения»²⁶) Малиновский и Рэдклифф-Браун в равной степени считались учителями, а их идеи воспринимались этим поколением как варианты одной методологической ориентации.

На начальном этапе становления функционализма Малиновский играл ведущую роль в утверждении этого подхода. В отличие от Рэдклифф-Брауна, научная и педагогическая деятельность которого, после

²¹ Fortes M. Op. cit., p. 3—4.

²² Malinowski B. A Scientific Theory of the Culture. N. Y., 1960, p. 32.

²³ Radcliffe-Brown A. R. Functionalism: a Protest.— American Anthropologist. Menasha, 1949, v. 51, № 2.

²⁴ Radcliffe-Brown A. R. A Natural Science of Society. Glencoe, 1957, p. 19—20.

²⁵ См.: Malinowski B. A. A Scientific Theory of the Culture, p. 47—53; Radcliffe-Brown A. R. A Natural Science of Society, p. 144.

²⁶ Kuper A. Op. cit., p. 10.

того как он в 1914 г. покинул Англию, протекала вплоть до 1937 г. на периферии Британской империи и за ее пределами, Малиновский после своего возвращения из Меланезии обосновался в одном из ведущих учреждений британской науки — в Лондонской школе экономических и политических наук (ЛШЭПН — структурное подразделение Лондонского университета).

С 1924 г. начал работу знаменитый семинар Малиновского. О значении этого семинара для развития британской антропологии говорит тот факт, что почти все ученые, представлявшие в межвоенный период эту научную дисциплину, а после второй мировой войны занявшие в ней ключевые позиции, получили антропологическое образование в семинаре Малиновского и начали свою самостоятельную исследовательскую деятельность под его непосредственным руководством. Это — Э. Эванс-Причард, Р. Фёрс, М. Фортес, И. Шапера, М. Глакмэн, М. Вильсон (до замужества Хантер), Х. Купер, О. Ричардс, З. Надель и др.

Влияние Малиновского на своих учеников было весьма значительным, что объяснялось не только привлекательностью его идей, обещавших вывести антропологию из идейно-теоретического кризиса, но и его субъективными качествами оратора-полемиста, за которые современники нередко называли его «пророком новой веры»²⁷.

На первых порах работу семинара в ЛШЭПН активно поддерживал Рэдклифф-Браун. Почти все студенты, которые обучались в основанных им кафедрах социальной антропологии в Кейптаунском (1921) и Сиднейском (1926) университетах, направлялись им для продолжения образования в Лондон к Малиновскому. Это видные впоследствии ученые — И. Шапера, М. Глакмэн, Х. Купер, Э. Хелман и др. из ЮАР; Я. Хогбин, Р. Пиддингтон, Ф. Каберри, У. Станнер и др. из Австралии.

Надо сразу сказать, что программу подготовки антропологов на семинаре в ЛШЭПН, на основе которой формировалась исследовательская программа научной школы Малиновского, нельзя отождествлять с его теорией культуры. Идеи Малиновского о прямой биологической детерминированности социальных явлений и культуры в целом в том абстрактном и грубо категорическом виде, в котором они представлены в его рукописях, посмертно опубликованных под названием «Научная теория культуры», сложились к концу его жизни и никогда не были центральным пунктом ни его педагогической деятельности, ни его трактовок этнографического материала.

В этнографических монографиях Малиновского крайне редко используются такие понятия его теории культуры, как «основные потребности», «производные потребности», «культурные соответствия» и т. п. А базовое понятие его концепции «функция», которое в «Научной теории культуры» определено как удовлетворение биологических потребностей²⁸, при обобщении фактического материала употребляется как очень неопределенное и описательное указание на роль, которую играет то или иное явление в жизни тробриандцев.

Многочисленные воспоминания участников семинара в ЛШЭПН²⁹ и главным образом их самостоятельная научная деятельность свидетельствуют, что обучение в семинаре заключалось в усвоении полевой методики и принципов обобщения фактического материала в описательных трудах.

В результате работы семинара в ЛШЭПН для всех представителей «новой» антропологии стал характерен тот тип научной деятельности, что и для Малиновского. Опыт его полевой работы среди тробриандцев стал образцом, по которому велись многочисленные экспедиции его учеников в 20—30-х годах.

Э. Эванс-Причард с 1926 по 1930 г. провел три экспедиции в Англо-Египетский Судан и прожил среди азанде в общей сложности более

²⁷ Ibidem, p. 36—37.

²⁸ Malinowski B. A Scientific Theory of the Culture, p. 110.

²⁹ Man and Culture. An Evaluation of the Work of Bronislaw Malinowski. London, 1957.

20 месяцев. Он же с 1930 по 1936 г. совершил четыре длительные поездки к нуэрам Судана. Р. Фёрс ровно год (1928—1929) работал среди полинезийцев о. Тикопия, применяя методику Малиновского в изучении родственных отношений. О. Ричардс два длительных полевых сезона, в общей сложности около 30 месяцев, работала среди бемба Северной Родезии. З. Надель в течение года (1934) изучал в поле африканскую народность нупе. Список подобных экспедиций можно значительно расширить.

Многочисленные полевые исследования молодого поколения британских антропологов знаменовали собой коренное изменение в характере деятельности представителей этой научной дисциплины. Как говорил Рэдклифф-Браун в своем президентском докладе на секции «Эйч» Британской ассоциации содействия развитию науки в 1931 г., «безвозвратно ушли в прошлое те дни, когда мы могли признать авторитет ученого, который лично не провел ни одного интенсивного полевого исследования хотя бы одной культуры»³⁰.

Конечным результатом изучения «примитивных» обществ, логическим продолжением полевой работы, интерпретацией полученного в ходе этой работы фактического материала для учеников Малиновского служили так называемые «этнографические монографии». Функционалистская этнографическая монография — это особый вид научной продукции, который был разработан Малиновским. Первой такой монографией были «Аргonautы Западной части Тихого океана». Этот труд, а также другие сочинения Малиновского подобного рода³¹ были теми образцами, на которых учились слушатели семинара в ЛШЭПН. Принцип интерпретации эмпирического материала воспринимался в ходе обсуждения разделов сочинений, над которыми работал Малиновский. Так, замысел книги «Коралловые сады и их магия» зародился в начале 30-х годов на семинарских обсуждениях проблемы тробриандского земледелия и его отношения к магической практике и социальной организации³².

Главной особенностью функционалистской монографии было то, что в качестве сюжетной основы ее избирался один из институтов изучаемого общества (семья, обычное право, земледелие или какой-нибудь обычай). Этот институт описывался не изолированно, а в его взаимодействии со всеми прочими явлениями общественной жизни. Характерной особенностью монографии Малиновского было чрезвычайное обилие «синоптических» таблиц, подробных описаний (сравнимых с журналистскими репортажами, недаром он называл свои монографии «тробриандской хроникой»³³) различных событий, «туземных текстов», т. е. воспроизведенных на языке коренного населения рассказов, легенд, магических заклинаний и т. п.³⁴

Теоретический анализ занимал в этих монографиях ничтожное место. Вместо него подробно описывалась роль того или иного института в жизни изучаемого общества. Факты, иллюстрирующие эту роль, или «функцию», института, отбирались не на основе принципов четкой теории общества, а интуитивно.

В 20—30-х годах вышло в свет значительное количество трудов функционалистов второго поколения, написанных по образцу монографий Малиновского. Это работы К. Веджвуд, Р. Фёрса, Г. Вагнера, О. Ричардс, Э. Эванс-Причарда, Х. Купер, И. Шаперы и др. Влияние Малиновского сказалось не только на технике интерпретации фактического материала в этих монографиях, но и на выборе институтов изучаемых обществ в качестве сюжетной основы. Вслед за Малиновским его учени-

³⁰ Radcliffe-Brown A. R. Method in Social Anthropology. Bombay, 1973, p. 61.

³¹ Malinowski B. The Sexual Life of Savages in N. W. Melanesia. London, 1929; *idem*. Coral Gardens and their Magic. London, 1937, v. I—II.

³² Man and Culture. An Evaluation of the Work of Bronislaw Malinowski, p. 157.

³³ Malinowski B. Coral Gardens and their Magic. V. 1, p. IX.

³⁴ В частности, весь II том «Коралловых садов и их магии» состоит из «туземных текстов».

ки главное внимание уделяли изучению проблемы семьи и «примитивной» экономики.

Описанию семейных отношений в широком контексте хозяйственной деятельности «примитивных» народов посвящены многие труды функционалистов второго поколения³⁵.

Связь между Малиновским и его учениками не прерывалась и после того, как они покидали студенческую скамью в ЛШЭПН. Почти все они, возвращаясь из экспедиций, делали сообщения на семинаре, писали диссертации под руководством Малиновского.

Косвенное воздействие на направленность научной деятельности своих учеников Малиновский оказывал при организации их экспедиций, так как благодаря своему авторитету имел возможность влиять на распределение средств из фондов, предназначенных на исследовательские работы в колониях. В частности, благодаря Малиновскому Фонд Рокфеллера, связанный с организованным в 1931 г. Международным институтом африканских языков и культур, выделял средства именно его ученикам на крупномасштабное этнографическое изучение ряда африканских народов³⁶.

В британской научной традиции концом «режима Малиновского» считают 1937 г.³⁷, год его отъезда в США, но в действительности процесс распада его школы начался раньше.

Представители второго поколения функционалистов, к середине 30-х годов получившие значительный опыт самостоятельной научной работы, начали осознавать аналитическую слабость его интуитивно-холистического подхода и практическую бесполезность положений его теории культуры в объяснении конкретных социальных явлений.

Внимание молодых антропологов все больше стали привлекать методологические идеи Рэдклифф-Брауна.

Структуралистская концепция Рэдклифф-Брауна приобрела более или менее четкие очертания в начале 30-х годов. Главным ее пунктом стало учение о социальной структуре, которую он определял как «постоянно действующую организацию отношений между людьми, определяемых и контролируемых посредством институтов, т. е. социально утвержденных норм или моделей поведения»³⁸. Исходя из категории «социальная структура», Рэдклифф-Браун трактует остальные понятия своей концепции. Так, функцию социальных явлений он определяет «...отношением их к социальной структуре, существованию и преобладанию которой они в определенной степени способствуют»³⁹.

Вместо аморфных и интуитивных принципов описания фактов в духе монографий Малиновского концепция Рэдклифф-Брауна предлагала британским антропологам логически обоснованную схему анализа структурных компонентов общества. На это были направлены положения «структурного метода» Рэдклифф-Брауна, которые давали аналитические средства для вычленения из всего многообразия проявлений социальной реальности повторяющихся, инвариантных особенностей поведения людей — так называемых «структурных принципов».

Все абстрактные методологические принципы Рэдклифф-Брауна были направлены на решение традиционных этнографических проблем. Особое внимание он уделял изучению тотемизма и систем родства.

Специфика этих проблем в значительной степени повлияла на характер его общесоциологических категорий, в частности трактовка катего-

³⁵ См., например: *Firth R. Primitive Economics of New Zealand Maori*. London, 1929; *idem. Primitive Polynesian Economy*. London, 1939; *idem. We, the Tikopia*. London, 1936; *Richards A. Hunger and Work in Savage Tribe*. London, 1932; *idem. Land, Labour and Diet in Northern Rhodesia*. London, 1939; *Schapera I. Native Land Tenure in Bechuanaland Protectorate*. Cape Town, 1943; *idem. Married Life in an African Tribe*. Johannesburg, 1940.

³⁶ *Methods of Study of Culture Contact in Africa*. Oxford, 1959.

³⁷ *Kuper A. Op. cit.*, p. 92.

³⁸ *Radcliffe-Brown A. R. Method in Social Anthropology*, p. 98.

³⁹ *Radcliffe-Brown A. R. Structure and Function in Primitive Society*. London, 1959, p. 200.

рии «социальная структура» несет на себе отпечаток опыта полевой работы Рэдклифф-Брауна среди австралийских аборигенов, у которых классификационные системы родства являются наиболее ярким показателем структурной регламентированности поведения. Отсюда у него заметная тенденция отождествлять такие понятия, как «структура социальных отношений» и «структура отношений родства». Особенно отчетливо эта тенденция проявилась в работе «Социальная организация австралийских племен»⁴⁰.

Этот труд занимает особое место в развитии британской антропологии, так как он положил начало новому типу теоретической интерпретации полевого материала, в основе которой лежит не простое описание фактов в их эмпирической взаимосвязи, а сведение их к формальным схемам. Рэдклифф-Браун в этом труде на основе анализа систем родства и брачных секций различных австралийских племен выделил 50 типов их социальной структуры.

После выхода в свет «Социальной организации австралийских племен» в 1931 г. влияние Рэдклифф-Брауна на учеников Малиновского значительно возросло. Рост популярности Рэдклифф-Брауна среди британских антропологов в 30-х годах не привел, однако, к образованию такой монолитной научной школы, какой была группа учеников Малиновского, организационно объединенных вокруг семинара в ЛШЭПН. Его научную школу можно условно назвать «незримым колледжем», который влиял на развитие британской антропологии не столько при прямом обучении и контроле за самостоятельной деятельностью научной молодежи, сколько косвенно — предлагая новые методы анализа и интерпретации фактов.

Неформальный характер научной школы Рэдклифф-Брауна в какой-то степени сохранился и после того, как он в 1937 г. окончательно переехал из США в Англию. В 1938 г. он занял пост заведующего вновь образованной кафедрой социальной антропологии Оксфордского университета, которая вскоре стала ведущим теоретическим центром британской антропологии, оттеснив на второй план кафедру в ЛШЭПН. После своего утверждения в Оксфорде Рэдклифф-Браун не стал единоличным главой новой школы. Не меньшее влияние на формирование ее исследовательской программы оказывали его молодые коллеги по кафедре — Э. Эванс-Причард и М. Фортес. Складывание новой научной школы, которое в известном смысле можно воспринимать как реорганизацию исследовательского коллектива, созданного Малиновским, сопровождалось пересмотром интуитивно-холистических методов последнего, а в ряде случаев и отказом от них. Этому в немалой степени способствовало перемещение антропологических исследований с маломасштабных островных обществ Тихоокеанского региона на крупные африканские народы.

Если исследователи океанийских народов, в частности Р. Фёрс, изучавший тикопийцев, численность которых не превышала 1 тыс. чел., работали в условиях, во многом схожих с Тробриандами (около 4 тыс. островитян), и поэтому многие методические установки Малиновского (особенно описание культуры как самодовлеющего «организма» во всей совокупности его связей) не казались для них невыполнимыми, то антропологов-африканистов (Э. Эванс-Причард, М. Фортес, И. Шапера, М. Глакман и др.) эти установки не устраивали. Столкнувшись с более сложной ситуацией у африканских народов, насчитывающих сотни тысяч человек и расселенных чересполосно с другими народами на огромных пространствах, исследователи были вынуждены искать аналитические средства, дающие возможность вычленить из многообразных проявлений жизнедеятельности народа тот костяк, который придавал определенную форму этой жизнедеятельности, составляя ее структурную основу и одновременно структурную границу данного народа, отделяющую

⁴⁰ Radcliffe-Brown A. R. The Social Organisation of Australian Tribes. Oceania, v. I, № 1—4, 1930—1931.

его от соседей (на Тробриандах и Тикопии сама природа помогала в этом плане исследователям, окружив их обитателей сотнями миль океана).

Этот теоретический поиск привел молодых исследователей к структуралистской методологии Рэдклифф-Брауна, но практика эмпирических исследований заставила их внести существенные коррективы в эту методологию. Прежде всего они отказались от практикуемого Рэдклифф-Брауном отождествления в конкретных исследованиях структуры межличностных отношений родства со структурой общества в целом.

Эванс-Причард в своей книге «Нуэры»⁴¹, которая стала одним из программных трудов оксфордской школы, в поисках структурных принципов, определяющих социальную организацию нуэров, скотоводческого народа Судана, обратил свое внимание не на модели поведения между различными категориями родственников, а на соотношении генеалогических (клан, линидж) и общинно-территориальных (союз племен, племя, деревенская и большесемейная общины) структур. Утверждение Эванс-Причарда о нераздельной взаимосвязи и специфическом взаимодействии этих образований, подтвержденное фактами, нашло широкий отклик в среде британских антропологов, в результате чего его методика, получившая название «парадигмы линиджа», стала использоваться во многих исследованиях африканских народов.

Методологическая переориентация в британской антропологии конца 30-х годов привела к формированию новой исследовательской программы. Программа эта представляла собой сложное логическое образование. Структуралистские идеи Рэдклифф-Брауна, составляющие ее основу, проявлялись в исследовательской деятельности британских антропологов по-разному и у многих сочетались с интуитивно-холистическим подходом Малиновского. Образно говоря, исследовательскую программу оксфордской школы можно представить в виде концентрических окружностей, выражающих разные степени приближения к структуралистским идеям Рэдклифф-Брауна. За время относительного единства оксфордской школы (время, когда Рэдклифф-Браун руководил кафедрой с 1938 по 1946 г.) логическим ядром ее исследовательской программы была аналитическая модель социальной структуры «примитивного» общества, состоящая из двух системно связанных компонентов. Одним из них была ориентация на изучение классификационных систем родства, воспринимаемых в виде сети межличностных (диадных) поведенческих моделей. Другим — концентрация внимания на общинно-генеалогических структурах, изучение которых базировалось на описательных приемах «парадигмы линиджа», представленных в работах главным образом Эванс-Причарда, Фёрса, Фортеса⁴².

Установки исследовательской программы оксфордской школы так или иначе можно выявить в деятельности почти всех представителей функционалистов второго поколения. Особенно наглядно идейно-теоретическое единство британских антропологов на новом уровне, связанном с лидирующей ролью оксфордского центра, выступает в двух коллективных трудах — «Африканские политические системы» и «Африканские системы родства и брака»⁴³. В этих трудах примерно один и тот же коллектив авторов, представляющих значительную часть всей «новой» антропологии (Рэдклифф-Браун, Эванс-Причард, Фортес, Шапера, Глакман, Ричардс, Надель, Вильсон, Купер и др.), подошел к изучению целого ряда африканских народов с позиции «парадигмы линиджа» и «структурных принципов родства», разработанных в свое время Рэдклифф-Брауном.

⁴¹ Evans-Pritchard E. E. The Nuer. Oxford, 1940.

⁴² Evans-Pritchard E. E. The Nuer; Firth R. We, the Tikopia; Fortes M. The Dynamics of Clanship among the Tallensi. London, 1945.

⁴³ African Political Systems. London, 1940; African Systems of Kinship and Marriage. London, 1950.

Предложенная нами аналитическая модель научной школы позволяет поставить проблему соотношения таких явлений, как концепции лидирующих теоретиков британской антропологии и исследовательские программы возглавляемых ими научных школ. Так, при применении этой модели было выявлено, что теоретические взгляды Малиновского, которые можно обобщенно назвать «биокультурным функционализмом» и которые являются центральным пунктом его общесоциологических воззрений, оказались на периферии исследовательской программы его школы. В то же время интуитивно-беллетристические приемы описания культуры, которые в его общетеоретических трудах почти не отражены, стали на какое-то время основной программной установкой научной деятельности коллектива его учеников.

При учете такого фактора, как научная школа, становятся понятными многие изменения в характере научной деятельности отдельных британских антропологов, так как зачастую новая идея, разработанная кем-либо из членов школы, становится достоянием всего коллектива и приводит к определенным сдвигам в научной ориентации каждого из его членов. Так, например, произошло при довольно быстрой переориентации научных интересов многих антропологов после разработки Эванс-Причардом его «парадигмы линиджа» в исследовании о нуэрах.

Весьма эффективным, на наш взгляд, является применение модели «научная школа» в изучении идейно-теоретического развития британской антропологии. Логика этого процесса может быть реконструирована следующим образом: от самых общих установок на интенсивные эмпирические исследования и первых специальных методик полевой работы (кембриджская школа) к тщательной, всесторонней разработке полевой методики и методов целостного описания изучаемой культуры (школа Малиновского) и от интуитивно-холистического отражения взаимосвязанности явлений культуры к анализу структуры этой взаимосвязанности (школа Рэдклифф-Брауна).

Рассмотренные под таким углом зрения, научные школы выступают как звенья внутренней логики развития науки. Так, специальные эмпирические методики наблюдения и фиксации социальных явлений можно рассматривать как одну из необходимых логических предпосылок для отражения общества как некоей конкретной целостности, а такое отражение — необходимая предпосылка постановки проблемы изучения структурной природы общества.

Специфика каждой из рассмотренных нами школ определялась не только индивидуальными особенностями ее лидера, но и требованиями соответствующего этапа развития науки. Характер школы Малиновского в значительной степени был определен обстановкой борьбы новой научной ориентации за право на существование, идейной конфронтацией с эволюционизмом и диффузионизмом. Отсюда — крайний антиисторизм и полное пренебрежение к абстрактно-теоретическим схемам (эмпиризм) в ее исследовательской программе. То обстоятельство, что школа Малиновского возникла на самом первом этапе становления функционализма и была сформирована из ученых, делающих первые шаги в науке, определило специфику взаимоотношений между главой школы и остальными его членами. В этой школе царила атмосфера непререкаемого авторитета Малиновского и требований полной идейно-теоретической лояльности по отношению к его концепции, недаром современники называли его «восточным учителем»⁴⁴.

Школа Рэдклифф-Брауна сформировалась в период, когда альтернатива «функционализм или эволюционизм» в значительной степени потеряла свою остроту — отсюда более терпимое отношение к идее социальной эволюции и первые попытки включить ее в исследовательскую

⁴⁴ Man and Culture. An Evaluation of the Work of Bronislaw Malinowski, p. 9.

программу⁴⁵. Молодые британские антропологи, воспитанные в эмпирико-холистической традиции школы Малиновского и уже имеющие значительный опыт самостоятельных исследований, объединились вокруг оксфордского центра не столько как «верные» последователи Рэдклифф-Брауна, сколько как его коллеги, смело вносящие коррективы в методы и его, и Малиновского.

При учете фактора научной школы расширяются возможности оценки того или иного положения функционалистской методологии. Любой методологический принцип, ставший элементом исследовательской программы, характеризуется в силу этого не только по тем аналитическим возможностям, которые в нем заложены. Становится возможной его оценка по тому реальному вкладу в науку, который принесло его применение в деятельности определенного коллектива исследователей, а порой научной дисциплины в целом.

В этом качестве некоторые положения структурно-функционального подхода внесли определенный положительный вклад в развитие этнографических методов. К ним относятся логическое обоснование относительной самостоятельности синхронно-функционального анализа и разработка категорий и процедур этого анализа. Самостоятельную ценность для науки представляет большое количество фактов по этнографии самых разных народов Африки, Азии, Австралии и Океании, полученных в многочисленных экспедициях британских антропологов, а также многие их конкретные выводы из обобщения этих фактов.

Вместе с тем существование ряда идей и принципов структурно-функционального подхода в качестве программных установок превратило их в традиционные догмы, сковывающие развитие британской антропологии. Так, ориентация британских антропологов преимущественно на изучение синхронно-функциональных отношений привела к тому, что в рассматриваемый период никто из них не ставил проблем исторического изучения «примитивных» обществ.

Сложился традиционный стереотип научной карьеры антрополога, по которому он должен ряд лет провести в поле в эмпирическом изучении одного, максимум двух народов, а остаток жизни посвятить обработке собранного материала и его публикации. Все это нередко служило предпосылкой неоправданного отождествления изученных народов с доклассовым обществом вообще. Так, Малиновский, делая обобщающие выводы о «примитивной» культуре, в сущности говорил о тробриандцах, Рэдклифф-Браун — об австралийских аборигенах и андаманцах, Эванс-Причард — о нуэрах и азанде, Фортес — о талленси и т. д.

Ограничивающее воздействие подобных стереотипов было осознано представителями современной британской антропологии как проявление одной из причин углубляющегося методологического кризиса, от преодоления которого зависит будущее их науки⁴⁶. Однако традиции, берущие начало в научных школах Малиновского и Рэдклифф-Брауна, настолько сильны, что решение этой задачи потребует значительных усилий.

⁴⁵ Рэдклифф-Браун уделял внимание разработке категории «социальная эволюция», пытаясь совместить принципы анализа структурно-функциональных характеристик общества и его эволюции (см. *Radcliffe-Brown A. R. Method in Social Anthropology*, p. 146), однако эта попытка не привела к сколько-нибудь существенному изменению преимущественно синхронного характера конкретных исследований в британской антропологии.

⁴⁶ *Evans-Pritchard E. E. Anthropology and History*. Manchester, 1963, p. 13; *Leach E. Rethinking Anthropology*. London, 1961, p. 1.